Надежда Ланская

Покорители драконов

18+

Надежда Ланская

Покорители драконов

«Автор»
2026

Ланская Н.

Покорители драконов / Н. Ланская — «Автор», 2026

Он потерял на Земле всех, кого любил, и ушёл умирать к чужим звёздам. Корабль погиб, а он выжил и упал в мир, где летают на драконах и где чужаку за полёт полагается смерть.Ему не нужен трон. Ему нужен дом. Но король делает его первым рыцарем, замужняя принцесса отвечает на его взгляд, а за морем уже собираются чёрные драконы.

© Ланская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Надежда Ланская
Покорители драконов

Глава 1

Взрыв

Я открыл глаза — и мир исчез. Вокруг была густая тьма. Реальность стёрлась, исчезло всё, что имело смысл.

Мой корабль падал в чёрную пустоту. В заднем иллюминаторе вселенная сворачивалась в гигантский вихрь. Впереди не было ни ориентиров, ни проблеска света — только эта пустая дыра.

Двигатель молчал. Тишина стояла такая, что давила на уши. В невесомости предметы медленно парили: мелочь, обрывки кабелей, крышка от панели — всё застыло перед неизбежным.

Последнее, что я помнил, — чудовищный взрыв. Толчок такой силы, что челнок швырнуло ударной волной в открытый космос. Меня впечатало в переборку, сознание погасло, и что было дальше — я не знал.

****

Чёрная дыра? Значит, конец близок.

Мысль о спагеттификации невольно вызвала жалкую улыбку. Превращаться в бесконечную нить из собственных тканей не хотелось вовсе. Но поделать с этим я ничего не мог — оставалось только смотреть, как пространство вокруг теряет форму.

Единственное, что пришло в голову, — погрузиться в криоанабиоз: умереть спокойно, не чувствуя, как разворачивается кошмар. К счастью, на челноке была медицинская капсула. Вот только, хоть убей, я не помнил, как её запустить.

Что вызвало этот взрыв? Что-то снаружи или внутри корабля? Ответа не было. Судя по силе удара, вряд ли кто из экипажа выжил. Как уцелел я, оставалось только гадать.

В памяти всплыли лица экипажа. Четыре года я просыпался под одно и то же гудение вентиляции и знал, кто где.

Командир говорил редко и коротко, а по утрам гремел кружками в камбузе: его слышно было через две переборки. Второй пилот не выпускал из рук планшет, даже за едой: водил по экрану пальцем и не поднимал головы, когда с ним здоровались. Бортинженер, наш связист, потерял всю семью на пожаре и с тех пор не мог сидеть без дела. Если в коридоре становилось тихо, значит, он уже где-то там, с отвёрткой в зубах, и скоро запахнет паяльником. Биолог, она же наш врач, гоняла нас по медосмотрам и закатывала глаза, когда кто-нибудь снова приходил с ушибом.

Анна мечтала услышать голос иных миров и ради этого сутками не выходила из лаборатории. Я как-то нёс ей ужин. Она распахнула дверь, раскрасневшаяся, с прилипшей ко лбу прядью, и, не дав мне сказать ни слова, захлопнула её у меня перед носом.

— Не мешай! Я обнаружила такое! Такое! — донёсся её голос, срывающийся от волнения, и в нём было столько восторга, что обида не успела родиться. Она кричала, не объясняя, что именно нашла.

Возможно, её эксперименты и стали причиной катастрофы. Или же взорвалась сама планета, на орбите которой мы висели. Других версий у меня не было.

И тут я вспомнил, как здесь оказался: перед сном мне вдруг захотелось увидеть лица тех, кого я любил. Но планшет с фотографиями остался в челноке. В тот день мы спускались на планету в системе Проксимы Центавра, чтобы собрать образцы. Я между делом снимал

пейзажи, которые запали в душу, — для личного альбома. Планшет так и остался лежать на моём сиденье.

Я вышел из своей каюты и потихоньку пробрался на челнок, прикрыв за собой люк. В тот момент мне отчаянно захотелось побыть здесь, в темноте и тишине, наедине с воспоминаниями. Найдя на ощупь свой планшет, я устроился в кресле пилота и начал листать фотографии. Именно тогда и грянул взрыв. Меня поглотила тьма.

Время на часах шло как обычно — прошло всего несколько секунд. А мне показалось, что прошёл не один час. Снова взглянул в иллюминатор: вселенная сжималась в одну яркую точку.

Наверное, пора заняться капсулой, пока ещё есть время. Свет в иллюминаторе погас. Горизонт событий был пройден. Я всё ещё жив. Но это была лишь отсрочка. Дальше приливные силы начнут расти, и в конце концов уничтожат и челнок, и меня.

Напоследок я снова открыл планшет. Хотелось увидеть любимые лица, прежде чем мир исчезнет.

В иллюминаторе не осталось ни звёзд, ни света — только тьма, которая терпеливо ждала.

Потом темнота сомкнулась, и сознание соскользнуло туда, где всё было ещё живо, — в ту единственную жизнь, которая у меня была.

Земля

Всё началось с череды событий, которые постепенно вытравили из меня желание оставаться в этом мире. Они и толкнули меня в эту экспедицию.

Я окончил геофизический факультет, отслужил в десантных войсках и устроился в крупную компанию, где занимался исследованиями в области возобновляемой энергии. Карьера шла в гору, я отдавал работе всё свободное время. Из родных у меня осталась только мама — отец умер давно.

Мама. Милая мама. Она мечтала о внуках.

— Когда же ты наконец займёшься своей личной жизнью? — вздыхала она. — У тебя всё есть: ты обеспечен, на хорошей должности. Пора забыть прошлое и найти себе добрую, милую девушку, которая станет тебе женой, а мне подарит внуков. Я ведь не вечна. А ты совсем один. Так я хотя бы буду спокойна, что у тебя семья, и смогу уйти, когда придёт моё время.

— Мам, ну что ты! Ты будешь со мной всегда! — Я обнимал её, целовал, а по её щекам текли слёзы.

Под «прошлым» она имела в виду девушку, с которой я встречался с первого курса, но так и не решился предложить ей руку и сердце. Она была из обеспеченной семьи, избалована вниманием и деньгами. Для меня не было никого, кроме неё, а для неё я был лишь надёжной опорой — не более. Все каникулы и выходные она проводила в Италии или на горнолыжных курортах. У меня не было средств, чтобы сопровождать её в этих поездках. Принимать её помощь не позволяли гордость и чувство собственного достоинства.

Пока я служил, её звонки становились всё реже, а потом и вовсе прекратились. Однажды она наконец позвонила и сообщила, что выходит замуж. Я выслушал, поздравил и положил трубку. Единственным близким человеком, который оставался рядом, была мама.

Мне исполнилось тридцать лет, и я все еще оставался убеждённым холостяком. Красивых и стройных мне всегда хватало — но эти встречи были как короткие пересадки между долгими рейсами: приятно, но не хочется распаковывать чемодан. Для нас с мамой я купил просторную квартиру — три комнаты, светлая гостиная с видом на море. Мама взялась обустраивать её, а я не мешал: в бытовых вопросах я был не силён, да и нравилось видеть, как у неё загораются глаза от каждой мелочи — от выбора штор до расстановки чашек.

Однажды я, как обычно, задержался на работе и забыл предупредить. Когда наконец закончил дела, с удивлением заметил, что она не звонила и не писала, как делала всегда: даже если просто хотела спросить, во сколько ждать к ужину. Тревога накатила не сразу — сначала

это было просто странное ощущение, что в привычном порядке вещей появилась незаметная трещина.

С этим тревожным предчувствием я помчался домой. Звонил в дверь — никто не открывал. За дверью не было слышно ни звука, даже привычного тихого шороха, по которому всегда угадывалось, что мама дома. Я открыл своим ключом и увидел её на полу.

Врачи скорой сказали: сердечный приступ. Мама никогда не жаловалась на сердце и избегала врачей: «Зачем? У меня ничего не болит». Болезнь осталась незамеченной до самого конца.

Хоронили её в ясный день, на кладбище за городом. Среди белых камней и листвы, там, где ветер с моря.

Мир словно приглушили: краски стали тусклее, звуки — глуше, а тишина в квартире теперь звучала иначе — как пустота, которую нечем заполнить. Душу жгло чувство вины: если бы я пришёл вовремя, если бы настоял, чтобы она сходила к врачу, если бы просто чаще спрашивал, как она себя чувствует… Эти «если бы» терзали днём и ночью, цеплялись за каждую мелочь и погружали в беспросветную тоску.

Домой идти не хотелось. Я практически переехал на работу. Коллеги пытались помочь, звали в гости, на праздники, но мне хотелось побыть одному. Так прошло почти три месяца.

Однажды вечером я всё же решил зайти домой — нужно было забрать кое-какие вещи и немного пройтись, чтобы собраться с мыслями. Путь лежал мимо набережной. Море било в парапет, и ветер нёс брызги. Вдруг снизу, у воды, послышалось тонкое скуление. Перегнувшись через перила, я вгляделся в темноту и увидел маленького белого щенка, мечущегося по берегу. Он явно потерялся.

Торопливо спустился по лестнице, прошёл вдоль берега и нашёл его — мокрого, дрожащего, жалобно скулящего. Щенок радостно завилял коротким хвостиком и бросился ко мне. Я присел на корточки. Он прыгал, пачкая песком мою одежду, облизывал руки.

— Ты потерялся? Какой же ты мокрый! Ну не хнычь. Сейчас пойдём домой и покормим тебя.

Пришлось взять его на руки. Маленький мокрый комок доверчиво прижался, дрожа всем телом. Искать хозяина ночью не имело смысла — я забрал его с собой. По дороге купил молока и собачьего корма. В гардеробе нашёл старую куртку, постелил её на полу рядом с кроватью. Щенок немного попил молока, зарылся носом в рукав и уснул.

Осмотрев его, я решил, что ему месяца два-три. Белый, с рыжими пятнами, короткий хвостик — скорее всего, джек-рассел-терьер. Мысленно пообещал себе, что завтра начну искать хозяина.

Но хозяин не нашёлся. После двух недель поисков я решил оставить щенка себе. Он оказался бесстрашным, понятливым, не пакостным и ходил за мной хвостом. Я назвал его Икаром — за его отвагу и прыгучесть. Он совершенно не боялся высоты. Мне нравилось учить его трюкам и командам: он схватывал всё на лету.

Теперь мне приходилось утром вставать пораньше, мчаться домой в обеденный перерыв и не задерживаться вечером. Каждое утро мы спускались к морю и бегали по пляжу. Когда-то я серьёзно занимался пятиборьем — фехтованием, плаванием, бегом, стрельбой, верховой ездой. Но последние годы забросил тренировки, набрал вес, расслабился из-за сидячей работы и неправильного питания.

Обратить внимание на себя меня заставила девушка, которая каждое утро бегала по набережной. Она легко обгоняла меня, оставляя далеко позади. Икару она явно нравилась: он бросал меня и весело нёсся за ней. А я пыхтел, задыхался, пытался их догнать.

Через пару месяцев ежедневных пробежек одышка пропала, вес начал уходить, а жизнь понемногу налаживаться. Мы подружились с Кристиной — так её звали. Она работала дизайнером в архитектурном бюро, жила с тётушкой в небольшой квартирке.

Наши утренние пробежки переросли в дружбу, а потом мы стали неразлучны. Но дальше дружбы дело не шло. Я всё чаще думал об этом, но неудачный опыт юности сковывал слова.

А потом случилось то, что сблизило нас — нелепая случайность.

Икар подрос. Он обожал гоняться за птицами на набережной, подпрыгивал, лаял, но никогда не причинял им вреда. В тот злосчастный день ремонтники открыли колодец и огородили его лентами, а сами отошли в тень, что-то обсуждая. Икар заметил стаю голубей, мирно клевавших крошки на асфальте, и кинулся в атаку. Стая взлетела, пёс подпрыгнул — и рухнул в открытый колодец.

Я услышал только короткий, предсмертный визг. Бросился к колодцу, надеясь, что всё обойдётся. Ремонтники опередили меня. Один из них быстро спустился по узкой металлической лестнице, вытащил Икара и, потупив глаза, тихо сказал: «Там очень глубоко, внизу один бетон. Ничем уже не поможешь».

Он отдал мне безжизненное тело моего пса. Я приложил ухо к груди — сердце не билось.

Мы похоронили Икара в небольшом лесочке под развесистым деревом на берегу моря за городом. Кристина плакала, никак не могла успокоиться. А я сидел с сухими глазами — не мог выразить ни боли, ни горя. Только чувство вины жгло изнутри: почему не держал на поводке, почему позволял бегать без присмотра?

Видимо, моя скованность и пустота в глазах заставили Кристину остаться у меня на ночь. Она гладила мои волосы, прижимала к себе, как маленького ребёнка. Я уткнулся ей в плечо — и слёзы хлынули из глаз: от беспомощности, злости на себя, от невыносимой тяжести потери. Перед глазами встала мама — она утешала меня так же, когда я был ребёнком.

Кристина ничего не говорила, просто молчала. Так я и уснул в её объятиях.

Проснулся далеко за полночь. Пошевелился и увидел её лицо — участливое, родное, единственное. В порыве чувств я прошептал ей всё, что накопилось в душе, и мы занялись любовью. Уснуть удалось только под утро.

Когда я проснулся, в квартире было тихо. Лежанка Икара исчезла. Видимо, Кристина убрала её, чтобы не бередить рану. В прихожей щёлкнула дверь — вошла Кристина с пакетом снеди и фруктов.

— Давай позавтракаем. Пробежку сегодня можно отменить. На работу тебе не надо, давай займёмся чем-нибудь: прогуляемся по городу, сходим в кино, поднимемся в горы, устроим пикник… Или просто пойдём на море?

Она так хотела отвлечь меня от грустных мыслей. Но выйти на набережную без Икара было выше моих сил.

Я посмотрел на неё с нежностью, и жгучее желание вспыхнуло внутри снова.

— А может, просто поваляемся на диване? Или на кровати?

В её глазах мелькнула озорная искра.

— Давай сначала позавтракаем, а потом уж всё остальное.

Дни шли, мы становились всё ближе. И наконец я решился. Купил кольцо в «Картье». Размер снял ночью ниткой с пальца спящей Кристины — на более хитрый план ума не хватило. В тот же вечер позвал её в ресторан.

— Что за повод? — с интересом спросила она. — Вроде все дни рождения и праздники прошли?

— Есть повод, — лукаво улыбнулся я.

— У меня тоже есть повод, — парировала она.

— Ну вот и славно! Значит, произведём обмен, — рассмеялся я.

Вечер выдался тёплым. Мы сели за столик на веранде с видом на море — я заранее забронировал его. В ведёрке охлаждалось её любимое «Просекко». В бокале поднимались пузырьки, переливаясь всеми цветами радуги.

Подошёл официант, поставил салаты и закуски, и мы замолчали.

— Кристина, — начал я, — мы вместе уже полгода. Пришла пора узаконить наши отношения.

Встал, опустился на одно колено, протянул маленькую коробочку.

— Выходи за меня. Я не умею говорить красиво, но я люблю тебя и хочу быть с тобой всегда.

Вокруг нас все замолчали. Посетители смотрели на Кристину. Наступила томительная пауза. А я всё ещё стоял на колене, протягивая коробочку.

Она подняла на меня счастливые глаза, взяла коробочку и одними губами прошептала: «Я согласна».

По веранде прокатился облегчённый вздох, а затем раздались несмелые аплодисменты, быстро переросшие в бурные овации и поздравления.

Я смущённо поднялся, оглянулся и поблагодарил всех присутствующих. Кристина открыла коробочку, надела кольцо и высоко подняла руку, показывая его всем. Снова зазвучали аплодисменты.

— Не слишком публично? — тихо прошептала она.

— В самый раз! — рассмеялся я. — Теперь жду твоё признание в ответ.

Она смутилась, замолчала на мгновение, а потом очень тихо сказала:

— Я была у врача. Он сказал, что у меня будет ребёнок.

На секунду я потерял дар речи. Потом подхватил её на руки и прижался к её губам.

— Это будет наша тайна, никому не говори. Я люблю тебя и уже люблю нашего малыша!

Вечер удался. Счастливые и довольные, мы вернулись домой. На следующий день подали заявление на регистрацию брака. Дату назначили через месяц, на конец лета. Месяца хватало, чтобы всё подготовить.

Друзей у нас было немного, родственников и того меньше. Решили устроить торжество в узком кругу, а после уехать в круиз по Атлантике — в медовый месяц.

Подвенечное платье

Беременность Кристины протекала спокойно, без осложнений. Срок был небольшой, и она могла выбрать платье по фигуре — это её невероятно радовало. Дни напролёт она проводила с подругами: искала идеальное платье, подбирала букет, выбирала место для торжества, придумывала приглашения… Список был бесконечным.

Я не вмешивался, лишь кивал в ответ на её идеи. Так, в радостных хлопотах, дни пролетали незаметно. До свадьбы оставалось три дня.

Пару недель назад Кристина заказала подвенечное платье у портнихи в маленьком городке неподалёку. Портниха славилась своими работами, но была на последних месяцах беременности и почти не брала заказы. Кристине всё же удалось её уговорить. Правда, примерку приходилось делать у неё дома.

В тот день они с подругой собрались забрать заказ. Я хотел поехать с ними после работы, но Кристина умоляла меня не делать этого:

— Это плохая примета — увидеть платье до свадьбы!

— Я не буду на него смотреть. Просто закрой его чехлом.

— Не надо, пожалуйста. Боюсь, ты всё испортишь. Не спорь, я сама аккуратно съезжу. К тому же мы с подругой хотели просто поболтать, а ты будешь чувствовать себя лишним.

Девушки рассмеялись, сели в кабриолет и уехали. Я стоял и смотрел им вслед, и вдруг мне стало не по себе. Торопливо набрал номер Кристины.

— Алло, милый! Ты уже соскучился?

— Будь осторожна, не гони. И обязательно позвони, когда будете выезжать оттуда. Я уже жалею, что послушал тебя и не поехал с вами. Может, ещё не поздно? Заезжай за мной.

— Милый, возвращаться — тоже плохая примета. Ничего не случится. Мы ездили туда уже три раза за последние две недели. Что за мрачные мысли? Всё будет хорошо! Скоро я растолстею и не влезу за руль, тогда ты станешь моим личным шофёром!

Она положила трубку. У меня немного отлегло от сердца. Я поднялся в кабинет и продолжил работать. Начальница, пышная брюнетка бальзаковского возраста, нагрузила меня по полной:

— Скоро ты отчалишь, милый друг, и я закопаюсь в делах. Так что будь добр, поработай ещё пару дней за себя и за меня.

Что можно на это ответить?

Наконец рабочий день закончился. По дороге домой мне нужно было зайти в супермаркет — Кристина просила кое-что купить к ужину. В магазине было шумно, и я не услышал её звонок.

Придя домой с пакетами, увидел пропущенный вызов и решил перезвонить. Трубку взял незнакомый мужчина. Это был полицейский.

Он сообщил, что произошла авария: одна девушка погибла на месте, вторую увезли на скорой в городскую больницу.

Я оцепенел. На секунду показалось, что это чья-то нелепая шутка.

— Вы слышите меня? — голос полицейского стал громче. — Девушку-водителя увезли в больницу. Езжайте туда.

— Как это произошло? — не узнал собственный голос.

— Лобовое столкновение. Какой-то лихач вылетел им навстречу. Машина перевернулась, пассажирка погибла на месте.

По дороге в больницу я молил всех богов, чтобы Кристина осталась жива. Не помня себя, влетел в вестибюль.

— Вам только что привезли девушку с ДТП, Кристину Гордон! Что с ней, где она?!

Регистратор посмотрела на экран компьютера.

— Нет, такой девушки нам не привозили. Вот только эту. — Она указала на удаляющуюся по коридору каталку.

Я бросился за ней. Догнал уже у дверей лифта.

— Кристина! Доктор, с ней всё хорошо?! — я кричал, и мой голос раскатывался по вестибюлю, разбиваясь о холодные стены. Люди оборачивались, кто-то шептал, кто-то отводил глаза, но мне было всё равно.

Меня резко остановил за руку врач — высокий, с усталыми, но твёрдыми глазами.

— Успокойтесь. С ней всё будет хорошо. Я только что её осмотрел. Сейчас главное — не мешать нам работать.

Его слова должны были принести облегчение, но насторожили: он сказал «с ней», а не «с Кристиной».

Каталку закрывала широкая спина санитара, закрывала лицо Кристины. Меня обуяло чувство паники. Я подскочил вплотную, почти прижался к каталке, надеясь силой воли прорвать эту живую преграду. Двери лифта открылись с тихим, почти издевательским шипением, и в проёме мелькнуло лицо — но не её. На каталке лежала подруга Кристины, бледная, с закрытыми глазами, опутанная проводами и трубками.

Я отшатнулся, как от удара. Паника прошла, оставив пустоту. Просто стоял и смотрел на закрытые двери лифта.

— Где Кристина? — прошептал я, хотя уже знал ответ. Голос звучал глухо и далеко.

Врач посмотрел на меня с той особой смесью сочувствия и профессиональной отстранённости, которая бывает у тех, кто слишком часто приносит плохие вести.

В день, который должен был стать нашей свадьбой, мы похоронили Кристину в подвенечном платье. Оно стало ей саваном.

Мне хотелось, чтобы она была рядом с моей мамой — там, где среди белых камней и тихого шелеста листвы ей было бы спокойно, где можно было приходить и говорить с ними обеими. Но тётушка Кристины настояла на фамильном склепе их семьи. Я не спорил. У меня не осталось сил ни на споры, ни на чувства.

На похоронах я стоял, как за стеклом. Голоса доходили глухо, лица плыли, соболезнования проходили мимо. Кивал, благодарил, говорил что-то вежливое и не видел никого. Мир сузился до полоски асфальта, до края могилы, до белого платья.

Когда всё закончилось, я пошёл прочь, не оглядываясь. Ветер трепал волосы. Где-то вдалеке смеялись дети, где-то кто-то говорил о пустяках, но для меня этот шум был чужим, из другой жизни — из той, где Кристина ещё бежала по набережной, обгоняя меня, а Икар радостно прыгал ей вслед.

Похмельное утро

Телефон звонил не переставая у самого уха. Я не мог разлепить глаза, поэтому нашел его рядом на ощупь.

— Александр, ты меня слышишь? — голос начальницы звучал неестественно бодро. — Ты должен срочно приехать на работу. Ты в состоянии? Ну, если не сегодня, то в крайнем случае завтра. Это очень важно! И в первую очередь для тебя. Тем более что твой отпуск закончился ещё неделю назад.

Я молча отключил телефон.

В голове стучало, мутило, перед глазами стояла серая пелена. Сколько дней продолжался этот запой, я понял только сейчас — из слов начальницы. Больше трёх недель.

Доковыляв до ванной, я несколько раз запнулся о пустые бутылки. В квартире царил бардак: упаковки от пиццы, стеклянные бутылки из-под виски, пластиковые из-под колы, пакеты, коробочки — всё валялось на полу. Я машинально огляделся в поисках чего-нибудь выпить, но бутылки были все пустые.

«Что она от меня хочет? Зачем зовёт? Уволила бы — и всё. Всем было бы проще».

В аптечке нашёлся аспирин. Проглотил две таблетки, не запивая. В комнате было темно и душно. «Надо проветрить помещение… и мозги», — подумал я и шагнул к балконной двери.

За окном светило яркое солнце. Из открытых дверей пахнуло свежим морским бризом. На набережной уже шла обычная утренняя жизнь. С криками носились чайки. Мир остался прежним. Изменился только я.

Долго стоял под холодным душем. В зеркале отражался осунувшийся незнакомец: щетина, запавшие глаза. Побрился, почистил зубы. Потом сварил крепкий кофе и нашёл в холодильнике засохший круассан. Сознание медленно прояснялось, мысли становились чётче.

Набрал номер начальницы:

— Здравствуйте. Вы звонили мне.

— Да, Александр. Кое-кто хотел бы с тобой встретиться. Думаю, это тебе крайне необходимо. Почему-то мне так показалось. Скажи, когда ты приедешь, — я организую встречу.

— Вы настаиваете? — я попытался мягко отмахнуться.

— Настаиваю. Это очень важно и крайне необходимо.

— Хорошо. Завтра буду на работе. Сегодня не смогу, простите.

— Хорошо, Александр. Завтра буду ждать тебя на рабочем месте. Не опаздывай и не подведи меня. Я за тебя поручилась, договорились?

Я отключил трубку, лёг и уснул, едва коснувшись подушки.

На следующее утро мне стало гораздо лучше: голова не кружилась, не тошнило. По дороге зашёл в кафе и наскоро перекусил.

На работе меня встретило именно то, чего я так боялся: сочувствие коллег. Сел за стол и стал рассеянно смотреть в тёмный экран монитора. «Надо написать заявление на увольнение», — мелькнула мысль.

— Доброе утро, — раздался голос начальницы. Я лишь кивнул. — Ты на месте? К тебе гости.

Она деликатно закрыла за собой дверь, оставив нас наедине.

В моём кабинете стояли двое. Высокий протянул руку:

— Александр, здравствуйте!

Второй, пониже ростом, но очень спортивного телосложения, молча кивнул в знак приветствия.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — я посмотрел им прямо в лицо.

— Вас порекомендовала начальница как крутого специалиста и знатока своего дела. Мы ищем сотрудника вашей профессии, и она считает, что именно вы нам подходите. Речь идёт об очень длительной экспедиции.

Я ждал продолжения. Они рассматривали меня так же молча.

Наконец тот, что пониже, прервал молчание:

— Мы проверили ваше досье. Вы спортсмен, прошли военную подготовку. Нам вы идеально подходите. Не хотите узнать детали?

— Эта экспедиция связана с риском?

— Несомненно. Это экспедиция к системе Проксимы Центавра.

— В космос?

— Да. Конечно, не сейчас. Минимум полгода подготовки, возможно, год.

— В чём будет заключаться моя работа?

— В поисках и анализе новых видов топлива, радиоактивных металлов. Команда из шести человек. Путь до Проксимы Центавра займёт около четырёх лет. Возможно, это будет билет в один конец. Подумайте. Даю вам неделю на размышление.

Высокий поднялся, давая понять, что разговор окончен, и протянул мне руку.

— Мне не нужна неделя. Это слишком долго! — и хотел добавить: «И невыносимо оставаться здесь», но сдержался. — Я дам ответ завтра утром.

— Ну что ж, по рукам. Завтра утром я позвоню вам. А лучше вот, возьмите мою визитку — наберите сами, как будет готов ответ.

Я кивнул. Мужчины попрощались и вышли.

Звёздная экспедиция… Космос всегда манил меня своей неизведанностью и тайной. «Возможно, это будет билет в один конец». Это именно то, что мне необходимо!

Мне не нужно ждать до завтра — решение уже было готово. Окончательное. Я достал визитку и набрал номер:

— Это Александр. Мне подходит ваше предложение.

Я полечу в межзвёздную экспедицию. Улечу туда, где миллиарды холодных звёзд молча взирают на меня, где горизонт событий стирает прошлое. Может быть, среди звёзд я наконец перестану слышать её голос.

Глава 2

Миллиарды звёзд

Темнота обволакивала и заполняла все пространство.

Мой корабль падал… нет, не падал, а нёсся. Не по прямой, а словно по трубе, которую крутило и ломало. В заднем иллюминаторе Вселенная сворачивалась в воронку, а потом вдруг рассыпалась на полосы света. Впереди был мрак, и он не стоял на месте: дышал, пульсировал, как живой.

— Чёрная дыра? — проносилось в голове, но что-то во мне противилось этому. Слишком странно вела себя пустота. Пока челнок тащило сквозь эту мглу, я начинал понимать: это не чёрная дыра. Это что-то совсем другое. Кротовая нора. Туннель. Но куда он ведёт? И выберусь ли я?

Двигатель молчал. Ни тяги, ни вибрации, ни привычного гула системы. Только этот тягучий, тревожный покой, который пугал больше любого рева турбин.

Челнок несло. Пространство стало рекой, и я был её течением.

Я вцепился в подлокотники кресла, хотя в невесомости это ничего не меняло. Просто рукам нужно было за что-то держаться.

За иллюминатором тьма пошла рябью. Сначала это были просто полосы света, тонкие, как царапины на стекле. Потом они начали сплетаться в узоры, не похожие ни на одно созвездие. Звёзд там не было. Было что-то другое.

А потом тьма перед носом челнока распахнулась. Не взрыв, не вспышка — раскрытие. Невидимая ткань разошлась, обнажая то, что пряталось за ней.

Впереди разворачивалась другая вселенная. Или другое измерение — я не знал, как это назвать. Передо мной светились миллиарды новых, незнакомых созвездий. Новый таинственный мир.

Оставалось решить, заводить двигатель или дрейфовать в свободном пространстве.

Я включил панель приборов: заряд аккумуляторов был полный. На пару-тройку дней хватит. Подзарядку дадут солнечные батареи. Но всё равно для дальнего путешествия этого было недостаточно: запасов еды и воды было немного. Навигация здесь не работала. На ум опять пришла медицинская капсула. Но эту мысль отбросил: буду искать и не сдаваться, пока хватит ресурсов.

Только где искать, я не знал.

Сначала я заметил большую звезду: она висела, как раскалённый шар, заливая всё вокруг янтарным светом. Вокруг неё кружились планеты, и их орбиты сплетались в сложный узор.

Потом взгляд зацепился за что-то странное сбоку. Там, почти вплотную к этой золотой стене, висела другая картина: холодное голубое солнце и планеты вокруг него.

Две системы. Так близко, что они вот-вот столкнутся. Но не сталкивались. Держались на какой-то тонкой грани.

Система сканирования показывала, что одна из планет, возможно, имеет экосистему, схожую с земной. Но верить показаниям сканера на слово я не собирался — нужно было проверить всё визуально.

Пальцы сами потянулись к панели.

— Курс на меньшую систему, — сказал я, хотя никто меня не слышал, и завёл двигатель.

Новый мир

Моих пилотских навыков, полученных в центре подготовки за длинный, монотонный год, вполне хватило, чтобы довести челнок до орбиты. Сверху планета выглядела как голубой шар — поменьше Земли. Её поверхность пряталась за плотной атмосферой, и мне оставалось только довериться приборам.

Сканер показал бескрайний океан и два материка в разных полушариях, далеко друг от друга. Один — огромный, весь испещрённый горными грядами, тёмный и безжизненный, с пустыней на юге. Второй — поменьше, размером с Австралию, сплошь покрытый лесами, озёрами и извилистыми лентами рек.

Я сидел перед панелью, где на трёх экранах одновременно крутились карта, тепловой профиль и прогноз ветра. Корабль делал витки, и данные складывались в картину живого механизма, где всё связано — ветер тянет облака, облака гасят жару днём и держат тепло ночью, горы ломают потоки, а два солнца задают ритм, который здесь заменяет времена года.

Голос искусственного интеллекта звучал буднично:

— Подтверждаю: постоянных полярных ледяных щитов нет. Сезонные снежные покровы возможны только в высокогорье. Среднегодовая температура поверхности — около 35 °C, сезонные колебания — в пределах 5–10 °C. Это не зима и не лето в земном смысле, а «жарче» и «чуть менее жарко».

— Стабилизация орбиты завершена. Первичный скан активен. Радиус планеты — 0,85 земного, гравитация — 0,7 g. Атмосфера плотная, состав близок к земному. Инсоляция повышенная: суммарный поток — 1,25 солнечной постоянной.

Я не отрывал взгляда от визора, где поверх пейзажа ложились метки: «Термический пик: экватор, +38 °C», «Облачный фронт: прибрежная зона, высота 3,2 км», «Высокогорные ледники: пики >4,5 км».

Корабль сделал плавный виток, и картина изменилась: теперь оба солнца оказались по одну сторону, и равнина внизу вспыхнула двойным светом. Тени стали длинными и раздвоенными.

Искусственный интеллект спокойно добавил:

— Суточный цикл — 21 час. Двойная освещённость создаёт выраженные «двойные дни» и сглаженные ночи. Риск теплового стресса повышен. Рекомендация: высадка в утренние часы, умеренные широты.

На третьем экране крутилась анимация циркуляции атмосферы: мощные потоки, устойчивые пассаты, зоны турбулентности над пустынями. Я смотрел на эти линии и видел не графики, а маршруты: где можно сесть, где лучше не задерживаться, где ветер будет толкать корабль, а где будет бить в борт.

Корабль снова вышел на дневную сторону, и оба солнца ударили в иллюминатор сразу, так ярко, что на секунду в кабине стало светлее, чем днём на Земле.

Решил спуститься ниже и облететь оба материка. Попутно активировал датчики экосистемы.

Первым оказался гигантский материк. Высокие чёрные цепи тянулись одна за другой, над ними поднимались шапки вулканов. Между ними бежали узкие речушки, кое-где зеленела редкая растительность. Многие склоны были залиты застывшей лавой и припорошены пеплом. Сейсмическая активность здесь была высокой: один из вулканов как раз выбрасывал густые чёрные клубы дыма. На юге чернела огромная пустыня.

Я приблизил картинку, выискивая площадку для посадки — подальше от вулканов, поближе к растительности. Наконец увидел большое ровное плато на берегу моря.

— Вот сюда, — сказал я скорее себе, чем приборам. — Попробуем здесь.

Небо надо мной потемнело. И тут панель сканеров взвыла: тревожный, режущий ухо вой — такой бывает только при обнаружении объекта критического размера. Я дёрнулся к экрану. На радаре вспыхнула отметка: она двигалась по нисходящей дуге и перекрывала почти весь сектор обзора. Сканеры не могли определить тип объекта — только его чудовищный размер.

Тень накрыла челнок. В кабине померк свет, хотя снаружи всё ещё был день.

Я поднял взгляд к верхнему иллюминатору и увидел чёрное чешуйчатое брюхо зверя, заслонившее стекло. Когтистые лапы, огромные крылья… Он пикировал прямо на меня. По

размеру он был раз в десять больше моего челнока. Меня спасла его медлительность. Схватил штурвал и швырнул челнок вниз, к морской синеве.

Челнок врезался в воду. Удар был страшный, но мой малыш устоял. Под водой стало тихо. Свет сверху пробивался сквозь толщу, рисуя на стенах кабины дрожащие узоры.

«Может, пронесло? Надеюсь, он не умеет плавать».

Что это было? Летучий динозавр? Или, проще говоря, дракон? Я попал в сказку или в мир юрского периода? Час от часу не легче.

Я продолжал двигаться под водой, опасаясь повторного нападения, сбавил скорость и осмотрелся. Стаи ярких существ, похожих на рыб, расплывались в разные стороны от моего челнока. Первозданный, непуганый мир. Челнок расталкивал корпусом искрящихся медуз с длинными щупальцами. Вода насыщенного сине-зелёного цвета просвечивала на много метров.

Посмотрел на приборы: подо мной была бездна — более тридцати километров.

Дальше двигался на глубине пятнадцати метров, разглядывая мир вокруг, пока сканер не показал впереди почти отвесную стену.

— Надо взлетать и осмотреться, — сказал я.

Система опять пронзительно завыла. А потом что-то огромное пронеслось мимо, взбаламутив воду так, что челнок закрутило. Я увидел широкое, бочкообразное тело с ластами и коротким хвостом. На конце хвоста небольшой ромбовидный плавник. Кожа была гладкой, без видимой чешуи, со складками и морщинами, а шея очень длинной. Животное внешне чем-то напоминало доисторического плезиозавра длиной метров двадцать. Он развернулся, набирая скорость для нового захода, и показал острые зубы и холодные глаза.

— Вверх! — прохрипел я, врубая всё, что ещё могло дать тягу. — Вверх, сейчас же!

Челнок рванулся, пробивая толщу. Я вылетел из воды и снова оказался в воздухе.

Позади меня тянулся бескрайний океан — от горизонта до горизонта, тёмносиний, почти чёрный, с длинными, тяжёлыми волнами. Впереди был такой же океан, но совсем другого цвета — яркобирюзового. Граница между ними проступала на экране резкой линией. Слева — тёмная гладь: большая глубина, чистая вода, почти без взвеси. Справа — бирюза, как на старых снимках тропических лагун.

Я понял: слева — пропасть, провал, а справа — мелководье. Песок, коралловые отмели, вода отражает свет. Сканер подтвердил: глубина всего пятьсемь метров, прозрачность высокая. Можно не опасаться морских чудовищ. Надеюсь, и летучих тоже.

Впереди показалась тонкая полоса суши.

— Вот она, — сказал я. — Там можно сесть.

Я долетел до второго материка.

Первая посадка

Суша не выглядела как спасение. Это была стена — высоченная, отвесная. Серая, слоистая, сложенная из гигантских плит, косо лежащих одна на другой. Из трещин торчали пучки жёсткой травы — они вцепились в камень так крепко, будто чувствовали: первый же порыв ветра сорвёт их прочь.

А наверху шумел лес: высокие кроны подступали к самому обрыву. Там, где земля обрывалась в пропасть, корни этих великанов выползали наружу, толстые и узловатые. Они цеплялись за край скалы, вися над пустотой.

А внизу, зажатая между океаном и этой неприступной грудью скалы, теснилась узкая полоса прибрежного песка.

Я провёл челнок по дуге, ещё раз оглядывая окрестности. Лес внизу был густым и непролазным: планета спрятала под ним всё, чего не хотела показывать. Стволы-исполины уходили в небо, кроны цеплялись друг за друга, а между ними не было ни одной ровной поляны. Призем-

литься там? Нет, спасибо. Слишком много теней, слишком много мест, откуда может выскочить кто-то, кому не понравятся гости.

А вот этот обрыв… он нравился мне всё больше. Огромный выступ, отколотая плита, ровная, как полка. Площадка широкая, высоко над прибоем — волны били внизу, взбивая пену, но сюда не доставали. И главное — в стороне от леса, прямо целый посадочный комплекс.

В толще скалы чернел прямоугольный проём. Туда мой челнок вошёл бы целиком. Идеальное место. Почти.

— Идеальное, — пробормотал я, замедляя ход и зависая над площадкой. — Но сначала проверка. Никаких «почти» в деле посадки.

Я щёлкнул тумблером внешнего сканера, и на панели побежали строчки. Но прежде чем уткнуться в цифры, заставил себя не торопиться. Здесь, на границе камня, воды и леса, спешка могла стоить слишком дорого.

— Ну-ка. Что у нас за бортом? Температура, кислород, радиация… давай всё по порядку.

Система отозвалась бодрым коротким писком, видимо, тоже была рада, что мы не полезли в чащу. На экране всплыли данные:

«Температура: 39,7 °C — жарко, но терпимо, если не задерживаться снаружи.

Влажность: 68 % — воздух тяжёлый, липкий, как тёплая мокрая ткань.

Кислород: 21,3 % — норма, можно дышать без фильтров.

Давление: 1,03 атм — почти как дома.

Токсичность: не обнаружена.

Движения крупных объектов в зоне посадки: нет.

Радиационный фон: в пределах нормы, естественный. Источников ионизирующего излучения не обнаружено».

Я чуть наклонил джойстик, чтобы прожектор скользнул по чёрному проёму. Луч упёрся в какой-то предмет в темноте и утонул в нём: не отразился, а просто исчез. Это мне не понравилось. Совсем.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим, что это за штука.

Сканер продолжал щёлкать данными, а я смотрел на место посадки. Там было спокойно: камень, нагретый солнцем, и тень.

Лес шумел, перекатывая звук между стволами. Птицы кричали, но в их голосах не было угрозы, только обычный шум чужого мира — громкий, хаотичный. А внизу, у подножия скалы, волны били в камень: раз-два, раз-два.

— Секунду, — прошептал я, выравнивая челнок над площадкой. — Сначала дождёмся сканирования. Потом решим.

На панели мигнул индикатор: «Сканирование пещеры: завершено. Угрозы не обнаружено».

Пора садиться.

Посадка прошла почти гладко. Прижал челнок поближе к скале. Загнать его в пещеру, как в гараж? Нет. Это может оказаться ловушкой.

Страшно захотелось есть. На челноке был небольшой запас еды и воды — на всякий случай. Я накинулся на еду и прикончил порцию в два присеста. Этого показалось мало, достал ещё. Потом сварил чашку кофе.

Итак, что же мне делать дальше? Снова и снова возвращался к мысли, что попал в юрский период. Значит, рано или поздно меня сожрут, и впереди — одиночество и жизнь в страхе.

Тут я вспомнил про бортовой журнал.

Я выругался — тихо, сквозь зубы, от досады на собственную забывчивость. Ничего из того, что со мной произошло, не зафиксировал. Не попытался связаться ни с кораблём, ни с Землёй, хотя и понимал втайне, что это невозможно. Но вести журнал был обязан.

Дальняя космическая связь, конечно, не работала. В эфире была тишина, ровная и пустая, без помех. На спектрограмме — чёрная полоса и надпись: «Нет соединения. Канал недоступен».

Сухо и кратко записал все злоключения, стараясь привязать события к минутам и часам.

И только сейчас до меня дошло, насколько я устал.

На этой планете не было ночи — это уже было ясно. Только подобие сумерек, когда одно светило уходит, появляется другое.

Я допил кофе и поставил чашку на край панели. Она чуть звякнула, и этот обычный, домашний звук вдруг странно успокоил. В кабине пахло кофейной горечью. Здесь всё было знакомо, всё на своих местах. И от этого казалось, что мир ещё не совсем сошёл с ума.

Планшет привычно лёг на колени. Лица любимых напомнили, что осталось позади. Разложил кресло в кровать и уснул.

Наступил мой первый день в этом мире.

Ну что ж, вперёд, на разведку.

На всякий случай я надел лёгкий скафандр и шлем, достал из сейфа бластер, собрал в рюкзак запас воды, еды, зажигалку и аккумулятор. На пояс нацепил нож-мачете, фонарь и ручной сканер. Покрутил в руках рацию: «Зачем она мне?» Потом достал самонаводящуюся гарпун-лебёдку с подъёмником. Включил аэробот — разведывательный дрон. Он мог работать и как переводчик. Ну, мало ли? Вдруг пригодится. Сунул в ухо наушник и надел очки — для связи с дроном. Напоследок активировал на челноке сигнал SOS.

«Где наша не пропадала!» — мысленно усмехнулся я и открыл дверь в этот незнакомый мир.

Первый контакт

Люк пошёл вверх. Я шагнул наружу и остановился. Захотелось снять шлем, но заставил себя не спешить и проверить показатели. Датчик на руке показывал то же, что приборы челнока, и я рискнул. Щёлкнул фиксатором и поднял стекло. Меня накрыло жаром — густым, смолистым, с привкусом соли и чего-то дикого, незнакомого.

Я вдохнул полной грудью, привыкая, и сделал первый шаг. Воздух был чуть тяжелее земного, чуть суше, но не драл горло. В нём чувствовалось что-то минеральное.

Площадка оказалась твёрдой и тёплой, как нагретая плита. Под ногой хрустнул камешек. Я пнул его, и он покатился к краю, а потом сорвался вниз, звеня напоследок. Проследил взглядом, как он прыгал по выступам, пока не исчез в белой пене у подножия.

В скале чернел вход в пещеру. Теперь, с площадки, она не выглядела огромной — просто тёмный проём. Внутри было прохладно и сухо. «Хорошее жилище, — отметил про себя. — Может, ещё пригодится».

Недалеко от входа лежало огромное яйцо. Сканер не нашёл признаков жизни, а пыль на нём и вокруг говорила, что оно лежит здесь не один десяток лет и давно окаменело.

Больше в пещере ничего интересного не нашлось. Лезть по узким расщелинам вглубь скалы не хотелось. Меня больше интересовал лес.

Я проверил гарпунлебёдку: индикатор заряда зелёный, самонаведение уже искало точку на скале.

— Ну, давай, — прошептал я, словно подбадривая не механизм, а самого себя. — Без фокусов.

Выбрал трещину повыше, нажал спуск.

Гарпун ушёл с сухим хлопком, зубцы раскрылись, трос натянулся.

Я пристегнул карабин. На экране рукояти мелькнуло: «Тяга — 87 %».

— Поехали, — выдохнул я и оттолкнулся от уступа; снаряжение и оружие оттягивали вниз.

Меня потянуло вверх, мягко и сильно. Подъёмник тянул ровно, я только выбирал, куда поставить ногу.

На середине подъёма я на секунду замер, чтобы осмотреться. Отсюда выступ был крошечным, челнок — игрушечным, а лес стоял сплошной тёмной массой, в которой прятались чужие звуки. Скала была совсем близко: от камня тянуло теплом.

— Ещё немного, — пробормотал я, кивая самому себе.

Система тут же отозвалась:

«До точки высадки — четыре метра. Угол подъёма оптимален».

Я снова оттолкнулся, и подъёмник потянул меня выше. Теперь я видел верх выступа — неровный, с обломанными краями. Ещё пара секунд, ещё один плавный рывок — и ботинки упёрлись в камень. Нащупал опору, потянулся и перевалился наверх.

Встал и огляделся. Выступ был не таким уж большим, но отсюда открывался вид и на океан, и на чёрный вход в пещеру. Теперь у меня была позиция. База, с которой можно смотреть, куда идти дальше. А над головой шумели кронами гигантские хвойные деревья.

Заросли стояли так плотно, что без мачете через них было не пройти.

Шёл второй час моего путешествия. Ничего примечательного не произошло. Я видел крупных насекомых, змей, ящериц, зверьков наподобие бурундуков и множество птиц, больших и маленьких. Никто из них мной не заинтересовался, и на том спасибо.

Постепенно деревья закрыли солнце, и заросли стали реже. Нож был уже не нужен. По мере того как местность понижалась, лес становился тяжелее: кроны нависали ниже, а воздух густел от влаги.

Наконец лес расступился, и я вышел к голубому озеру. Оно было мелким: песчаное дно просматривалось насквозь. Пора было передохнуть.

Я расположился под кроной дерева и перекусил. Зной не спадал даже в тени. Провёл ладонью по лбу, стёр пот и уже хотел закрыть глаза на пару минут, но на очках вспыхнула строка:

«Периметр. Движение. Три объекта, пешие. Направление — 112 градусов, дистанция — 280 метров. Тепловизионный контур подтверждает биосигналы».

Я замер, не опуская руки. Сердце забилось чаще. Не звери. Люди. Или то, что ходит как люди.

В ту же секунду перед глазами мягко развернулась полупрозрачная проекция — очки с видеосвязью вывели картинку с аэробота. Вид сверху, слегка наклонённый ракурс, зелёная тепловая палитра. В густых зарослях действительно двигались три силуэта: тёплые пятна, размер — человеческий, походка спокойная, без звериных рывков. Один чуть впереди, двое следом, держат дистанцию. Они шли вдоль кромки леса, огибая озеро по дуге, и явно не спешили. Но в этой неспешности было что-то расчётливое.

Я пригнулся и ушёл в тень густой листвы. На очках три пятна двигались уверенно, будто знали, куда идут. И самое тревожное — они шли по моим следам, к озеру. Прямо ко мне.

Поверх картинки всплыли метки: «Объект 1», «Объект 2», «Объект 3», дистанция, азимут, скорость — всё без скачков. Аэробот держал высоту, не приближаясь вплотную, чтобы не выдать себя, и аккуратно корректировал угол съёмки.

Я медленно, без резких движений, подтянул к себе рюкзак и проверил, легко ли вынимается клинок. Повесил бластер на шею и снял с предохранителя. Дал приказ аэроботу:

— Режим: «Наблюдение». Держи сектор в пятнадцать метров.

Перед глазами появилась надпись: «Режим: Наблюдение. Готовность: 3 сек».

Аэробот тем временем плавно сместился чуть правее, чтобы держать группу в кадре и не терять их за деревьями. На проекции мелькнуло: «Траектория сближения: вероятна встреча через 7–9 минут при сохранении курса».

Я поднялся из тени, стараясь не делать резких движений. Шлем снимать не стал: не из страха, а потому что не знал их целей.

Осторожно сделал шаг из-под кроны, и солнце осветило броню скафандра. Металл на миг вспыхнул бликом. Ещё шаг. Ещё. Я шёл не спеша им навстречу, не отводя взгляда, но и не вглядываясь слишком пристально — так, как идут к тем, кого не хотят спугнуть.

Аэробот взмыл выше и замер в воздухе — едва заметная точка. Очки приглушили метки, оставив только тонкую зелёную дугу по краю поля зрения — чтобы видеть дистанцию, но не отвлекаться на цифры.

Люди остановились. Первый чуть опустил меч, но не убрал — так держат оружие, когда не уверены, враг перед ними или нет. Двое других стояли неподвижно.

Теперь я разглядел их как следует. Они были выше меня на голову: я доходил им до плеча. Широкоплечие. Длинные золотые волосы падали на спину. В руках короткие костяные мечи, отполированные до матового блеска, с зазубринами у основания. Кожаные доспехи, сандалии на толстой коже. Шлемы с поднятыми забралами, и от этого их лица были видны целиком.

Они разглядывали каждую деталь: скафандр, непонятную форму рюкзака и пояса с приборами. В их позах не было агрессии. Скорее — ошеломление. Лидер чуть повернул голову, как бы пытаясь что-то расслышать.

Я остановился метрах в пятнадцати. Достаточно близко, чтобы они могли меня рассмотреть, и достаточно далеко, чтобы успеть отскочить, если что. Медленно поднял правую руку — ладонью вперёд, пальцы расслаблены. Простой, универсальный знак: «я не нападаю».

— Я не враг, — сказал я спокойно, хотя знал, что слова им вряд ли что дадут. — Я Александр! — ударил себя ладонью в грудь и повторил: — Александр!

Между нами повисло молчание. Лидер перевёл взгляд с руки на моё лицо, потом на нож-мачете у пояса и на бластер на шее. Один из воинов справа тихо, почти шёпотом, произнёс чтото на своём языке — короткое, вопросительное, с приподнятой интонацией.

Лидер ответил ему на певучем языке и снова повернулся ко мне. Он не опускал меч, но держал его чуть мягче. Потом медленно поднял свободную руку и повторил мой жест — ладонь вперёд, пальцы расслаблены. Как осторожное зеркальное отражение. И произнёс длинную фразу на своём языке, тоже стукнув себя ладонью в грудь. Враждебности в его интонации не было.

Очки добавили:

«Переводчик фиксирует фоновые повторы. Идёт анализ фонетики. Предварительная оценка: язык тональный, много гортанных звуков. Стадия обучения — начальная».

Потом на очках мелькнуло: *«Анализ: 12 %»*. И всё. Ни перевода, ни смысла: система ещё только подбиралась к языку.

Я чуть наклонил голову, чтобы показать, что вижу этот ответный жест, что понял его.

Лидер постоял ещё несколько секунд. Потом опустил меч на пару сантиметров, уже как предмет, который привычно держать в руке.

Теперь он смотрел на меня уже как на что-то редкое и непонятное, но не страшное. Его золотые волосы чуть шевелил лёгкий ветер, а в глазах стояло глубокое, почти детское любопытство: словно он впервые увидел нечто, выходящее за пределы всего, что знал. Не торопил. Просто стоял, спокойный и уверенный, как часть этого леса. Потом медленно провёл ладонью по воздуху — жест, который я уже начал понимать: «Пошли». Я кивнул: «Понял, пошли».

Глава 3

Каменная башня

Я шёл следом за лидером, стараясь не сбивать шаг. Второй воин держался сбоку — так, чтобы между нами не оставалось и шага. Третий замыкал цепочку. Они двигались как разведчики, которые знают: один неверный шаг может стоить всем жизни.

Тропа пошла под уклон, лес расступился, и мы снова оказались на берегу моря. На самом краю обрыва, за высоким каменным забором, стояла башня: высокая, сложенная из тёмного камня, почти неотличимого от скалы. На плоской крыше под навесом дежурили двое дозорных. Здесь, в отличие от места моей высадки, спуск к берегу был пологим, а на воде покачивалась ладья. У ворот стояли ещё двое воинов, неподвижные и внимательные.

Лидер повернулся ко мне. В его взгляде не было враждебности, только сосредоточенность человека, который ведёт подопечного через опасную зону. Он приложил ладонь к груди, потом медленно повёл рукой вперёд: «Иди за мной. Точно по следу».

До башни оставалось шагов двадцать, когда один из стражников у ворот чуть шевельнулся. Рука легла на рукоять меча. Но лидер не остановился. Он чтото прокричал на своём языке и поднял руку ладонью вперёд, показывая на меня, чтобы стражник точно увидел.

Гдето над склоном дрон бесшумно скользнул по дуге, фиксируя каждый жест и поворот головы. А на очках бежала строка: «Сбор данных. Статус: активен». И этого пока было достаточно.

Ворота скрипнули и приоткрылись, чтобы впустить нас по одному. Лидер шагнул первым, повернул голову и едва заметно кивнул: «Заходи».

Передо мной открылся двор. Ещё одна башня, невысокая, но крепкая, из того же тёмного камня, что и скалы. Узкие длинные окна. Каменных строений хватило бы на небольшой гарнизон. В дальнем конце двора, под навесом из больших толстых листьев, лежал серебристый ящер, свернувшись клубком. При нашем появлении он встрепенулся, поднялся и раскрыл свои крылья. Его умные голубые глаза настороженно смотрели на меня. Он шумно потянул воздух ноздрями и издал пронзительный крик. На спине виднелось чтото вроде седла. Лидер чтото тихо сказал ему на своём языке, и ящер сложил крылья и лёг, не сводя с меня глаз. Он поднял голову: его встревожил мой дрон.

— Уходи на безопасную позицию, — прошептал я. — Тебя заметили.

Дрон ретировался.

Двор наполнялся: подходили воины в самых разных кольчугах, и простых, и богатых. Нас уже окружала толпа. Из невысокой башни вышел пожилой воин в дорогом доспехе и торопливой походкой направился к нам. Посередине двора раскинулся большой навес. Лидер жестом пригласил меня пройти туда, и все двинулись следом.

Под навесом вокруг длинного стола тянулись каменные скамьи. Лидер указал мне место и сел рядом. Молодой воин принёс кувшины и глубокие чашки без ручек. Передо мной поставили чашку и наполнили её терпким прохладным напитком. Я с удовольствием выпил до дна, и мне тут же налили снова. На столе появились блюда с плодами и снедью.

В наушнике ровно прозвучал голос дрона:

— Направление — к побережью. Аппарат держится над кромкой деревьев, вне видимости с берега. Записываю. Пока только сбор.

На очках привычно стояла строка: «Сбор данных. Статус: активен». Система слушала.

Напротив меня сел военачальник. Воины с любопытством разглядывали мой клинок: судя по всему, с металлом здесь не были знакомы.

Лидер взял клинок и долго рассматривал, осторожно, будто боялся, что тот сам собой порежет пальцы. Он поворачивал его пядь за пядью и упрямо пытался понять, из чего эта

штука вообще сделана. Второй воин наклонился ближе, чтобы разглядеть узор у гарды, и тихо выдохнул короткое слово: в нём слышались удивление и уважение.

Военачальник не проявлял к клинку особого интереса. Он наблюдал за своими людьми, оценивая их реакцию: «Видите? Это не наш мир. Но мы с этим разберёмся». В его спокойствии чувствовался молчаливый приказ: не трогать, не пробовать рубить, не делать резких движений — сначала понять.

Лидер провёл пальцем вдоль кромки, не нажимая, просто проверяя ровность, и поднял на меня глаза. Теперь в них было уважительное недоумение: «Ты пришёл с этим. Расскажи о нём».

Я снял шлем и положил на стол. По рядам воинов прошёл изумлённый шёпот, и вокруг шлема сразу собралась плотная группа. Я вытряхнул из терморюкзака запасы еды и предложил угоститься, но желающих не нашлось. Затем разложил на столе все свои вещи, кроме бластера, который остался висеть у меня на шее, и жестом пригласил осмотреть их. Я не торопился: попивал напиток и наблюдал, как они осторожно изучают предметы, силясь понять их предназначение.

Моё внимание попрежнему занимал серебристый дракон. Он напоминал большую дворовую собаку и не спускал с меня глаз, будто чувствовал чужака. Это было что-то среднее между птицей и динозавром, с гребнем на голове.

Военачальник поднялся, чтото сказал лидеру и направился к дракону, зычно выкрикнув команду на своём языке. Дракон встал, подошёл и подставил крыло. Военачальник быстро взобрался по нему на спину, уселся в седле, и дракон, расправив крылья, взлетел. Сделав круг над крепостью, он улетел в сторону леса и исчез за кронами.

Лидер прикрикнул на воинов, и толпа начала редеть: люди расходились по своим местам. Возле меня остались двое — видимо, охрана. Лидер сел рядом. Воспользовавшись паузой, я открыл планшет. Экран загорелся, и сразу запустился ролик для первого контакта, без слов, на одних образах, чтобы любое разумное существо могло уловить суть.

На экране появилась Земля, живой шар в облачной дымке. По краю диска ползла тень рассвета. Дальше — природа, животные, птицы. Потом люди: дети, взрослые, старики. Города. Улицы. Космодром: гул двигателей, клубы пара, ракета, уходящая в небо. И наконец — долгий пролёт сквозь космос: звёзды и далёкие туманности.

Лидер чуть наклонил голову, разглядывая светящуюся пластину. Когда на экране показались города, он подался вперёд. Старт ракеты заставил его отшатнуться и вскинуть руку.

Когда ролик закончился, он поднялся и жестом предложил следовать за ним. Охранники не отставали, держась в двух шагах.

Мы прошли по территории крепости. За углом оказался ещё один навес, спрятанный в тени стены. Под ним стояли лошади, чуть крупнее и массивнее земных, но безошибочно узнаваемые. Один из них, самый большой жеребец, повернул голову в мою сторону, шумно втянул воздух и фыркнул — коротко, оценивающе.

Лидер шагнул к коню и положил руку ему на шею. Потом взял из корзины у входа кусок сушёного корнеплода и протянул мне. Я принял угощение и посмотрел на него.

Он объяснил жестами: показал на коня, потом на лакомство. Я подошёл ровно настолько, чтобы тот мог дотянуться, если захочет. Протянул корнеплод на раскрытой ладони. Жеребец наклонил тяжёлую голову, осторожно взял лакомство тёплыми губами, хрустнул им и снова фыркнул.

Лидер тихо произнёс по слогам: «Э-ни-о». Похоже, это было имя или обращение к жеребцу. Он снова погладил коня по шее. Я повторил: «Энио». На его лице промелькнуло подобие улыбки. Он одобрительно мотнул головой и постучал себя в грудь, старательно выговаривая по слогам: «Ал-ло-лио». Я снова повторил: «Аллолио». Тут он уже широко улыбнулся и выжидательно уставился на меня.

Я понял. Стукнув себя в грудь, произнёс по слогам: «А-лек-сандр». Аллолио старательно повторил за мной. Сочетание согласных далось ему нелегко, но он не сдался и повторил моё имя несколько раз. Я в ответ снова произнёс его имя, а потом, указав на жеребца, повторил: «Энио».

После этого Аллолио повёл меня по узкой каменной лестнице, спиралью уходящей к вершине сторожевой башни. Ступени были крутыми и выщербленными, без перил, и я старался не смотреть вниз, чтобы не выдать, что высота меня слегка тревожит.

Наверху, на площадке, ветер дул сильнее. Навес прикрывал от двух солнц, и жара отступала.

Отсюда открывалась панорама: бухта, изрезанная узкими заливами; тёмные скалы, уходящие в море; леса, подступающие к самой кромке воды. Я посмотрел в сторону суши и увидел всё те же леса, а за холмами — широкие равнины, над которыми дрожал горячий воздух. Вдали синела тонкая извилистая река.

Два солнца висели в небе: одно большое, второе — поменьше, чуть выше. Их свет ложился на землю двумя оттенками: один — золотой, другой — слегка голубоватый. Тени двоились и наползали одна на другую.

Спустившись с башни, мы вернулись под навес. Вскоре пришёл молодой воин: в руках у него был большой дымящийся котёл, а за поясом торчал небольшой рог. Он вытащил его и протрубил. Звук разнёсся по двору, и воины стали собираться за столом.

Молодой воин разливал уху — это, несомненно, была она, судя по запаху, — расставляя чашки перед каждым. В супе плавали куски рыбы, травы и ломтики корнеплодов; аромат был густой, острый, почти обжигающий. На столе стояли тарелки с закусками, корнеплодами и лепёшками вместо хлеба.

Я потянулся к рюкзаку и достал комплект столовых приборов: нож, вилку и ложку. Все, кто сидел за столом, с любопытством наблюдали за мной, а я — за ними. Мне было интересно, чем они станут есть уху: привычных столовых приборов на столе не было.

Воины достали из небольших сумок на поясе каждый свой черпачок: у кого-то из раковины, у кого-то из кости. Одни были искусно обработаны и отполированы, другие — довольно грубые. Как и кольчуги, черпачки выдавали статус хозяина.

У Аллолио черпачок был из кости, аккуратно выточенный, гладкий, явно не первый год служивший ему. Он достал ещё один такой же и протянул мне. Я в ответ показал ему свои приборы. Аллолио одобрительно кивнул — мол, пусть будет по-твоему, если хочешь.

Еда оказалась пряной и жгучей, но вкус мне понравился. Я попробовал понемногу всё, что стояло на столе, под одобрительные возгласы стражников. Казалось, им было приятно, что чужак не морщится и не отказывается.

Когда обед закончился, Аллолио отвёл меня в небольшую жилую башню. Внутри была та же винтовая лестница, что и в сторожевой; она вела на второй этаж, где в коридор выходило несколько дверей. Он открыл одну из них: за ней оказалась небольшая комнатка с подобием лежанки — простой тюфяк на деревянном настиле.

Аллолио сделал мне знак, и я вышел за ним на улицу. Мы обогнули башню, и в углу двора был настоящий нужник. Честно говоря, он пришёлся очень кстати.

Большой диск солнца уже скрылся в море, и начались сумерки. Но полной темноты не было: второе, меньшее светило всё ещё держалось над горизонтом, придавая небу бледно-серебристый оттенок; получалась своего рода белая ночь.

Я вернулся в отведённую мне комнатку и устало растянулся на тюфяке, подложив кулак под голову. Привычно открыл планшет. Я давно не видел их лиц. Они улыбались, будто ничего не случилось и где-то там всё по-прежнему спокойно. Я задержал дыхание, стараясь удержать эту картинку, пока экран не погас. За дверью остался один охранник; ещё какое-то время я слышал его шаги по каменному полу, но вскоре сон сморил меня.

Нежданное путешествие

Наутро я проснулся свежим и отдохнувшим. Во дворе было оживлённо. Несколько воинов бились на мечах. Я невольно задержался взглядом на поединках. Стоял и смотрел, и в груди шевельнулось старое, почти забытое чувство: как хочется тоже шагнуть в круг, ощутить вес клинка в руке.

Аллолио заметил меня и подошёл. Я протянул ему руку в знак приветствия, он замешкался и протянул в ответ свою. Мы немного помолчали, и он знаком пригласил меня под навес.

Видимо, все уже позавтракали: на столе остались несколько лепёшек, сыр, куски холодного мяса и кувшин с чемто тёплым. Мне страшно не хватало чашки кофе. У меня был с собой молотый кофе, но как объяснить, что мне нужен только кипяток? Я покрутил жестяную баночку в пальцах, вздохнул и спрятал её обратно.

После завтрака я занялся своим дроном. Надпись «Сбор данных» всё ещё горела. Я позвал Аллолио к лошадям: показал на него и на его коня, потом на себя и на небо, где висел дрон. Аллолио удивлённо поднял глаза. Ящура в крепости не было, и за дрона можно было не опасаться.

Я приказал дрону следовать ко мне, и он подлетел. Я снова стукнул себя в грудь и показал на дрона, потом на Аллолио и коня, давая понять, что дрон — это мой друг. Аллолио недоверчиво покосился на мой дрон, но спорить не стал.

Мне не давала покоя мысль, что ктонибудь рано или поздно примет его за угрозу и собьёт стрелой, а я останусь без защиты, переводчика и глаз. Я подозвал дрон к себе и похлопал по нему. Аллолио согласно кивнул, и дрон теперь мог сопровождать меня повсюду.

Из-за леса вынырнула большая птица с широкими крыльями; перья отливали бронзой в солнечных лучах. Она шла строго по прямой, снижаясь к самой высокой башне. На её лапе чтото болталось, похожее на футляр для послания.

Часовой на стене что-то выкрикнул, и по двору прошло движение. Птица села на край парапета, сложила крылья и замерла. К ней тут же подбежал посыльный, отстегнул футляр и бегом спустился вниз.

Аллолио поднялся, лицо стало жёстким и собранным. Посыльный протянул ему маленький свиток, перетянутый лентой. «Ага, — подумал я, — прибыла почта. Значит, у них есть письменность».

Он развернул послание, пробежал глазами по строкам. Его брови чуть сошлись, а потом он медленно поднял взгляд на меня, коротко бросил несколько фраз солдатам, и в крепости начался аврал.

Двор, ещё недавно полный утренней суеты, теперь гудел дорожной спешкой. Скрипели кожаные ремни, звякали пряжки; ктото проверял упряжь у лошадей, ктото собирал провизию, фляги с водой, ктото готовил оружие. В течение часа всё было собрано.

Воины выстроились. Аллолио шагнул к всадникам, коротко выкрикнул имена. Из строя вышли пять человек и бросились к конюшне. Затем он ткнул пальцем в меня и показал на ворота. Смысл был предельно простым: «Ты едешь с нами».

Мне оседлали жеребца помельче. Я критично оглядел седло: в таком мне ещё не приходилось ездить. Аллолио окинул меня оценивающим взглядом: справлюсь ли я? В сущности, я и сам сомневался, смогу ли управлять этим конём. Но, решив для себя всё выяснить в дороге, взял его под уздцы и двинулся пешком.

Поклажу я сложил в мешки, перекинутые через круп животного. Дрон держался над дорогой. Мы покинули крепость и взяли курс на северовосток — по извилистой дороге шириной с тропу.

Мне надо было понять, как воины управляют конями, какие дают команды. Аллолио понял меня и, остановив отряд, показал мне, как это делать. Команда «Со» — стой, «Ийя» — вперёд, «Ас» — тихо. Этого было мне вполне достаточно.

Я легко запрыгнул в седло: сказалась многолетняя подготовка. Аллолио осмотрел мою посадку и одобрительно кивнул. Правда, седло было непривычным, но ничего, решил я, в пути пообвыкну.

Бластер я повесил на шею, клинок пристроил на боку. Скафандр снял ещё вечером в крепости и остался в лёгком лётном комбинезоне. Голову от солнца завязал футболкой — в общем, тот ещё видок. Но другой одежды у меня не было, а надевать любезно предложенные мне Аллолио кожаные доспехи я не захотел. А вот от ножен для клинка не стал отказываться.

Мы растянулись в цепочку и двигались лёгкой рысью. Под кронами деревьев было довольно комфортно, да и ветер обдувал на ходу. Дрон шёл над нами и контролировал обстановку вокруг.

Первый привал мы сделали через три часа, и то в основном изза меня. Последний раз я садился в седло лет семьвосемь назад, когда выступал на соревнованиях. Так что я явно переоценил себя.

Аллолио первым заметил мою скособоченную посадку и перекошенные гримасой боли губы. Он замедлил коня, все остановились и спешились. Я, кряхтя, вывалился из седла и растянулся прямо у дороги. Интересно, сколько нам ещё ехать? Судя по количеству взятых с собой запасов — оченьочень далеко.

Воины достали из мешков снедь и фляги, соорудили стол. Есть не хотелось, но мучила жажда.

Воины негромко переговаривались, и дрон, тихо посвистывая, парил над ними, ловя каждый шёпот и сканируя округу. Пора было трогаться в путь. Всадники были уже в сёдлах; я коекак вскарабкался следом, и мы двинулись дальше.

Скоро дорога сузилась и повела вниз. Деревья росли всё гуще, становились выше и раскидистее, сплетались ветвями и перекрывали путь. Растительность затягивала тропу на глазах. Ехать стало невозможно: нависающие сучья хлестали по лицу, и Аллолио махнул рукой: спешиваемся. Я с радостью сошёл с коня.

Воздух густел, становился тяжёлым. Почва под ногами хлюпала, местами превращаясь в вязкую жижу. Мы шли не спеша, с короткими передышками, и через четыре часа остановились на полноценный привал.

Ветви сомкнулись над нами сплошной крышей, почти не пропуская свет, и лес погрузился в полумрак. Я привалился спиной к широкому стволу дерева, не в силах пошевелиться: каждый мускул ныл, напоминая о долгих часах в седле. Дрон мягко опустился на толстую ветку повыше. Аллолио отправил троих в дозор.

Он опустился рядом со мной на землю и протянул кусок вяленого мяса, лепёшку и флягу. Меня клонило в сон, глаза закрывались сами собой.

И вдруг дрон издал короткий, тревожный писк. На очках вспыхнула строка: «Тепловой объект. Крупный. Слева, 20 метров. Скорость — высокая».

Лошади испуганно захрапели. Воины встрепенулись, напряжённо вглядываясь в сумрак, и подняли копья. Я вскочил, торопливо переключил очки на тепловизор: «Выведи на экран». Но увидеть ничего не успел.

Из кустов вырвалось нечто огромное, тяжёлое, с широкой грудью и непропорционально мощными передними лапами, оно неслось напролом по лесу. Воины отскочили и вонзили в него копья, но это не остановило зверя. Он лишь взревел и прыгнул прямо на меня.

Аллолио выкрикнул чтото резкое и рванулся вперёд, закрывая ему путь. Я вскинул бластер. Оружие щёлкнуло и выплюнуло короткий, ослепительно яркий импульс.

Выстрел ударил по ушам, вспышка на мгновение ослепила всех. Зверь был уже в прыжке, но словно наткнулся на невидимую стену. Его тело дёрнулось, инерция пыталась докрутить движение, но прыжок уже терял силу. Он рухнул на землю с тяжёлым, глухим стуком, подняв облако сухой хвои, и замер, без судорог, без долгой агонии, просто резко и окончательно.

Стало тихо. Только дрон пищал, сканируя тепло. На очках моргнуло: «Объект неподвижен. Температура падает».

Аллолио стоял, не опуская клинка, и смотрел на зверя, словно ждал подвоха: вдруг сейчас поднимется, щёлкнет зубами, снова бросится. Но тот не шевелился.

Ошеломлённые воины осматривали тушу, силясь понять, что же убило его. Аллолио с ужасом смотрел на мой бластер: он был ближе всех и видел, чем я остановил зверя.

Оружие я опустил, но пальцы не спешили отпускать рукоять. Ладонь была горячей от отдачи, а сердце всё ещё колотилось.

Подойдя к зверю, наклонился над ним, чтобы лучше рассмотреть. Это был зверь чудовищных размеров: медвежья грудь, волчья морда. Из пасти торчали большие саблевидные клыки. Он напоминал доисторического мегистотерия, а возможно, им и был.

Воины о чёмто негромко спросили Аллолио. Он кивнул в мою сторону и указал на бластер. Взгляды их разделились: испуганные — на висевшее у меня на шее оружие, уважительные и благодарные — на меня самого.

Отряд быстро собрался, проверил оружие и двинулся дальше, стараясь ступать тише. Больше никто не разговаривал.

Постепенно новый подъём стал ощутимее, ветви расступились, открывая небо. Мы сели на коней и продолжили путь до ближайшего ночлега. Вскоре лес остался позади, а дорога повернула у выжженных солнцем холмов.

Она шла вдоль берега реки, и вода здесь была светлой, почти прозрачной, бежала по камням и звенела. По краям тянулись бескрайние поля, огороженные частоколом и тонкими каменными плитами, вкопанными стоймя. Плиты стояли ровно, ктото специально подбирал их по высоте и толщине, чтобы стена выглядела ухоженной.

Я ехал чуть позади Аллолио, стараясь не терять ритм отряда. После лесной темноты открытое пространство ослепило: солнце било прямо в глаза, отражаясь от воды и светлых плит. Даже ветер здесь был другим: ровно и густо накатывал волнами.

Аэробот шёл впереди, посвистывая на ветру, а на очках то и дело вспыхивали строки: «Ветер: 4–5 м/с», «Видимость: высокая», «Температура: 35 °C».

Дальше дорога вела вниз: сначала едва заметно, а потом так, что отряд невольно сбавил ход. И вот перед нами внизу открылась долина.

Глава 4

Я заговорил

Впереди открылась долина. У дороги трава была вытоптана копытами, дальше стояли старые деревья с толстыми низкими ветвями, а между ними виднелись строения за высоким забором.

Мы спустились вниз. За изгородями показались широкие навесы, послышались голоса пасущихся животных, похожие на мычание коров и блеяние овец.

Дрон медленно опустился ниже, почти к самому моему плечу, и тихо пискнул. Всплыла надпись: «Угрозы не обнаружено».

Вскоре загоны закончились, и мы подошли к высокому забору, окружавшему всё поселение, с крепкими воротами. Стражники перебросились фразами, двери открылись — и мы вступили в деревню.

Дома были одноэтажными, из тонких каменных плит, похожих на сланец. Плиты стояли чуть внахлёст, как чешуя, и оттого казалось, что стены не просто стоят, а мягко изгибаются. Крыши были низкими, почти плоскими. Сначала мне показалось, что они покрыты черепицей, но, подойдя ближе, я разглядел: это панцири черепах или, возможно, крупных морских моллюсков. Ярко-коричневые, блестящие, они лежали друг на друге и хорошо защищали от непогоды.

Но что поразило меня больше всего — идеальная чистота вокруг. Нигде не было видно мусора или следов беспорядка. Дорожки между домами были тщательно выметены, а возле каждого дома росли аккуратно подстриженные кусты и крупные цветы, от которых тянулся лёгкий медовый запах.

Местные жители, в основном мужчины, заметив нас, выходили из домов и приветствовали сдержанными поклонами. Они были одеты в светлую лёгкую одежду, а движения их были плавными и размеренными.

У одного из строений женщина набирала воду из каменного жёлоба. Она обернулась: золотые волосы рассыпались по плечам, на руках браслеты, на шее ожерелье из цветных камней. Улыбнулась, но в глазах осталась настороженность.

Из дворов неожиданно начали выбегать дети — они радостно махали руками и чтото кричали на местном наречии. Изумлённо рассматривая меня, дрона и весь отряд, они шли следом, не отставая ни на шаг. Один мальчишка, самый смелый, подошёл почти вплотную и осторожно коснулся пальцем края моего рукава — будто хотел убедиться, что я настоящий.

Дрон медленно кружил над моей головой, внимательно фиксируя каждое движение. На экране вспыхнули строки: «Обнаружено движение: 18 объектов. Тип: человек. Поведение: спокойное, сдержанное. Уровень активности: минимальный, без признаков тревоги. Угрозы не обнаружено».

Аллолио остановил коня на большой площади, где был обустроен такой же навес, как в крепости, поднял руку — и весь отряд спешился. Под навесом стоял большой стол со скамьями, очаг, а рядом — привязь с яслями для лошадей. Я понял: здесь мы и заночуем. Местные жители приняли нас как родных и завалили угощениями.

Утром мы собрались и вскоре покинули этот гостеприимный приют. За воротами с противоположной стороны деревни оказалась вполне сносная просёлочная дорога. Мы пустили коней вскачь и понеслись вперёд, поднимая клубы пыли. Аэробот летел над нами.

Впереди показалась стена леса, но уже более низкорослого. Жара усиливалась, и я с облегчением вздохнул, когда мы вступили под кроны деревьев. С точки зрения безопасности на открытой местности, конечно, было спокойнее, но сейчас тень и прохлада казались куда важнее.

Вдруг в ухе прозвучал долгожданный сигнал: «К передаче информации готов».

Дрон тихо щёлкнул — и щелчок прозвучал почти как выдох после долгой работы. На внутреннем интерфейсе не просто всплыла строка, а развернулась целая сводка: он наконец распутал клубок звуков, который тянул за собой несколько дней.

— Анализ завершён. Базовый словарь: 317 единиц. Грамматические конструкции: выявлены три типа предложений — утверждение, вопрос, предупреждение. Вероятность корректного перевода в бытовых ситуациях — 83 %. Основные фразы готовы к применению.

Я невольно задержал дыхание. Три сотни слов — это уже не набор отдельных звуков, а язык. Теперь главное — чтобы загрузка прошла успешно. Чип мне вшили ещё на Земле как раз для таких случаев, незадолго до полёта.

— Ну, давай! Грузи! — приказал я дрону, и в сознание хлынул поток информации — чужой, плотной, будто сотканной из незнакомых ритмов.

Сначала по спине пробежал холодок. Потом мир качнулся: цвета стали ярче, каждый шорох листьев звучал громче. В висках застучала боль, к горлу подкатила тошнота. Я поднял руку, останавливая отряд, спешился и опёрся ладонью о седло.

Аллолио тут же подъехал, нахмурился, вопросительно вглядываясь в моё лицо:

— Что случилось?

И тогда я, стараясь говорить ровно, произнёс на его родном языке:

— Аллолио, я устал. Давай немного отдохнём.

Мой друг перестал дышать на несколько секунд. Лицо его застыло, а потом изумление прорвалось наружу — он даже приподнялся в стременах, будто хотел разглядеть во мне что-то новое.

Вокруг тут же обступили все остальные. На меня посыпался поток фраз — ещё недавно непонятных, а теперь я с лёгкостью улавливал смысл почти каждой: «Он говорит на нашем языке!», «Как это возможно?», «Ты знал и молчал?!»

Голоса сливались в гул, и на мгновение мне показалось, что я снова слышу этот чужой язык как шум ветра — но нет, теперь в нём были слова, отдельные, чёткие, живые. И самое странное — они словно сами ложились на язык: ну вроде как я не выучил их, а вспомнил.

Аллолио наконец заговорил:

— Александр, как это возможно? Ты выучил наш язык? Всё время молчал, молчал — и вдруг заговорил… Вот это да!

— Меня научил мой помощник, — кивнул я на аэробота. — Скажи мне самое главное: куда мы едем? И зачем?

Аллолио расправил плечи, и в его голосе прозвучала гордость:

— Мы едем в столицу. Сам король хочет тебя увидеть.

— Долго нам ещё ехать? — спросил я, осторожно касаясь виска, где всё ещё пульсировала тупая боль.

— Если быстро — то к концу дня приедем. Если медленно — то завтра к обеду.

— Давай поедем медленно, — попросил я. — У меня голова болит после обучения твоему языку.

— Хорошо, Александр, — улыбнулся Аллолио. — Поедем медленно.

Пока мы отдыхали, я узнал, как зовут всех моих сопровождающих. Правда, запомнить сразу все имена не получалось — они сплетались в один узор из непривычных звуков. Но одного я запомнил сразу: Илай, самый молодой воин. Он первым решился заговорить; в глазах его было любопытство, а пальцы то и дело тянулись к рукояти ножа — не угрожающе, а как к чему-то привычному, родному.

— Расскажи, — тихо попросил он, — как ты убил страшного зверя?

Я улыбнулся и показал на бластер:

— Я убил его молнией, которая живёт в этом оружии.

Илай побледнел и прошептал, боясь произнести громко:

— Ты… колдун?

Я рассмеялся — не насмешливо, а так, чтобы снять напряжение, чтобы этот страх не отдалил нас:

— Нет, я не колдун. Это такое оружие — оно бьёт лучом.

Мы присели под деревьями. Воины достали остатки еды — той самой, которой нас щедро угощали жители деревни. Хлеб был грубым, с хрустящей корочкой, сыр — терпким, и даже эти простые кусочки сейчас казались вкуснее обычного.

Я откусил кусок, прикрыл глаза на мгновение и выдохнул. Боль в виске понемногу отступала, а вместе с ней уходила и странная пустота, которая бывает, когда в голове слишком много нового.

Дорога к королю

Теперь наше путешествие стало гораздо интереснее и веселее. Мы ехали с Аллолио рядом и болтали без умолку. Я расспрашивал его о нём самом, о его семье, о стране, о драконах.

Аллолио происходил из семьи потомственных воинов. Они служили короне: охраняли границы королевства и обучали новичков бою. Аллолио служил в королевском гарнизоне, пока не заступился за молодого воина перед главным военачальником королевской стражи — тот был потомком королевской династии. За это его сослали на дальние рубежи и лишили званий.

Свою страну они называли Королевством Эллория. Оно раскинулось от Мелкого моря, откуда мы ехали, до Великого океана, который невозможно переплыть из-за страшных чудовищ, обитающих в водах. Это было древнее государство, где королевская семья Элларио правила на протяжении многих веков. Их род восходил к временам первого союза людей с драконами, когда предок-основатель сумел приручить древнего серебряного ящера и основал Орден всадников драконов. Члены династии носили особые родовые имена, включающие «Элларио», что указывало на их принадлежность к древнему роду и право на престол.

Я расспросил его про второй материк. Аллолио рассказал, что, по словам древнего манускрипта, некогда оба материка были едины. На одной стороне материка жила воинственная раса, страна их называлась Андагон. Андагонцы, по его словам, были людьми с более тёмной кожей, чем у эллорийцев, тёмными глазами и чёрными волосами, такого же роста, но необычайно атлетического телосложения. Они совершали набеги на эллорийцев, похищали их женщин, скот и запасы продовольствия.

Их страны разделяли высокие огнедышащие горы, в которых водились чёрные драконы — настоящее бедствие для народа. В этих горах жил Бог Огня, а чёрные драконы были его посланниками. Андагонцы украли у бога драконьи яйца, вырастили из них драконов и перелетели через высокие горы в Эллорию. Много бед принесли они эллорийцам с помощью этих драконов. Целые города были разорены и уничтожены.

Бог Огня разгневался за кражу драконов и покарал их. Горы взорвались огнём, земля разверзлась, море хлынуло в пропасть. Мощный толчок расколол землю, трещина ширилась, поглощая леса и деревни. Драконы в небе метались и горели заживо. Часть материка медленно отделилась, и в проливе закрутился гигантский водоворот.

А когда первые толчки стихли, стало видно, что мир изменился навсегда. Там, где раньше была единая земля, теперь простирался океан. Эллория тоже пострадала, но не так сильно, как Андагон. Море затопило всю равнину Эллории. Андагон эллорийцы больше никогда не видели. Древние пророчества говорили о таком времени, когда мир расколется надвое.

— Андагонцы больше не нападают на вас? — спросил я Аллолио.

— Нет. Никто из ныне живущих не видел ни одного андагонца и ни одного чёрного дракона. Океан кишит огромными морскими драконами, а сильные бури и ветра не дают им проникнуть в нашу страну. К тому же их драконы не смогут долететь до нас: древние манускрипты

говорят, что, хоть они огромны и страшны, летать далеко не способны. Да и вообще это страшная сказочка для малых детей.

Аллолио на минуту задумался и спросил:

— А как ты попал сюда?

Я ждал этого вопроса. Меня уже давно мучила эта мысль: рассказывать или нет о челноке. На всякий случай я решил пока не рассказывать.

— Понимаешь, Аллолио, — начал я, пытаясь объяснить то, для чего мне ещё не хватало слов. — Есть другой мир. Там живёт мой народ.

— Это на Андагоне? — с любопытством спросил Аллолио.

— Нет. Он там. — Я указал пальцем в небо.

Аллолио недоверчиво покачал головой:

— Другой мир в небе? Никогда о таком не слышал. Наши манускрипты говорят, что там живут только Покинувшие нас и Вечный.

— Мой мир очень далеко отсюда. Настолько далеко, что даже ваши драконы не смогли бы долететь.

— А как же ты сюда попал? — не унимался Аллолио.

— Моя летающая лодка была особенной: она могла летать очень высоко и далеко. Но случилась беда — я попал в страшную бурю между мирами и оказался здесь.

— Летающая лодка? — удивлённо переспросил Аллолио. — Никогда не слышал о таких. Они похожи на наши корабли?

— Нет, совсем другие. Они могут летать по небу.

— А где сейчас твоя лодка?

— Не знаю, она потерпела крушение, — уклончиво ответил я, не желая говорить правду.

Аллолио хмыкнул, явно не до конца веря моим объяснениям, но не стал настаивать.

— Интересно... — протянул он. — Расскажешь мне ещё о твоём мире?

— Обязательно, — улыбнулся я. — Но не сейчас. Сейчас мне нужно собраться с мыслями.

Мы продолжили путь в молчании.

Последний приют

Сверху донёсся нарастающий звук. Сначала я принял его за шум ветра, но он становился всё отчётливее. Подняв голову, я увидел: в небе парили два дракона. Их серебристая чешуя переливалась в лучах солнца, а длинные хвосты плавно рассекали воздух.

На спинах драконов сидели всадники в лёгких доспехах, их плащи развевались на ветру. Драконы выполняли в воздухе сложные фигуры, демонстрируя своё мастерство. Один из них, заметив путников, сделал несколько кругов над дорогой, явно приветствуя нас, — после этого драконы начали снижаться. Две огромные тени накрыли дорогу, заставляя нас отступить. Когда величественные ящеры приземлились перед нами, земля глухо ухнула от тяжести их тел. Я предусмотрительно приказал дрону опуститься на землю и не маячить в воздухе.

Всадники спешились, и стало видно: доспехи расписаны гербами, на красных плащах серебряной нитью вышиты драконы, а на поясах висят короткие мечи в дорогой оправе. Это явно были знатные особы.

— Приветствуем вас, доблестные воины! — произнёс старший из всадников, чей дракон был самым крупным. — Мы прибыли встретить вас и оказать почётное сопровождение.

Путники растерялись. Встреча с королевскими драконьими всадниками была редкой честью, и они не знали, как реагировать на такое внимание.

Аллолио первым пришёл в себя и низко поклонился:

— Ваше высочество, приветствую вас! Для нас это великая честь.

Все остальные молча преклонили колени.

— Приветствую вас, ваше высочество! — произнёс я, слегка склонив голову. Осанка моя оставалась прямой, а голос звучал твёрдо и спокойно.

— Вы и есть тот самый чужестранец с диковинным клинком из неизвестного материала?

Принц подошёл ко мне с интересом, разглядывая с высоты своего роста. Его спутник молча рассматривал меня, не выказывая особого дружелюбия.

— Я принц Антонио Инэо Элларио, — представился он. — А это мой друг и муж моей сестры — принц Илларио.

Илларио лишь коротко кивнул.

Я склонился в почтительном поклоне, понимая, что на чужой территории надо соблюдать обычаи.

— Меня зовут Александр, — представился я. — Рад познакомиться с вами!

— Не стоит таких церемоний, — улыбнулся принц. — Вам нужно поторопиться: король не любит ждать. В путь! Ждём вас в Последнем приюте, — коротко бросил он через плечо, взбираясь на спину дракона. Ящер расправил крылья и легко поднялся в воздух.

Отряд двинулся дальше, а драконы парили над нами, иногда опускаясь ниже, чтобы проверить, не отстают ли путешественники.

Одно солнце уже клонилось к закату, а второе сияло голубоватым светом, когда мы добрались до небольшого селения. Улицы были узкими, дома — невысокими, с покатыми крышами. В центре располагалась таверна с вывеской в виде большого чёрного дракона и красноречивым названием «Последний приют».

— Здесь мы и остановимся на ночь, — сказал Аллолио, спешиваясь.

Я скептически посмотрел на вывеску, объясняя себе это трудностями перевода.

В таверне было шумно и людно. Когда мы вошли, принц Антонио со своим спутником успели занять большой стол у окна и поджидали нас. После короткого обмена приветствиями мы получили приглашение сесть с ними за один стол. Воины устроились во дворе под навесом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.